

Последние самураи

Гастроли труппы "Кияма" (Япония)

Сцена из спектакля

Нынешней зимой в Москве приключились настоящие японские сезоны. Один за другим приезжают балетные коллективы, на подходе – гастроли театра но. А на днях на сцене Центра Мейерхольда пять представлений отыграла известная труппа "Кияма": представившая пьесу Цудуми Харуэ "Канадэзон Ёамлет". Эту экзотику привезла "Мастерская Вениа-

мина Скальника". Видимо, данные гастроли стали их первым опытом, поскольку на спектакле получаешь массу разнообразных эмоций, весьма далеких от эстетических переживаний. Но, к счастью, спектакль оказался способен перекрыть человеческий негатив.

"Канадэзон Ёамлет" можно перевести как "безупречный" или "иде-

альный" Ёамлет". К тому же это гибрид названий шекспировской трагедии и старинной пьесы театра кабуки "Канадэзон Тюсингура" ("Сокровищница вассальной верности"). "Сокровищницу.." играют в труппе театра "Синтоми" в Токио (конец XIX века). В период повсеместных реформ импресарио "Синтоми" Морита Канья (Киба Кацуми) мечтает о соб-

ственной реформе – японской премьеры "Ёамлета". Спонсор спектакля, богатый барон Мияути Рейнодзэ (Хаяси Цукики), становится режиссером и вдохновенно требует от актеров постижения тонкостей шекспировской пьесы. Но это не так-то просто: до сей поры здесь ничего, кроме традиционного кабуки, не играли. В результате получается не "Ёамлет", а смех и грех: играющий принца Датского актер Синдзо (Хироси Мураками) в элегантно-модном костюме с жилетом никак не может понять смысла монолога "быть или не быть" и предлагает выкинуть этот текст из спектакля как необязательный; молодой актер в роли Офелии (Исогаи Макото) гуляет в роскошном свадебном платье с густо набеленным лицом и принимает красивые позы; тут же Призрак отца Ёамлета (Утида Рюма) в белом кимоно для хакакири и Клавдий (Ода Ютака) со старомодным самурайским узлом на затылке. Режиссер от негодования выпучивает глаза, актеры сердятся, но в следующую минуту начинают посмеиваться. К тому же с третьего яруса за всем этим кавардаком наблюдает театральный критик Окамото Кидо (Хасэгава Ацую), большой поклонник театра "Синтоми", заставший его лучшие времена. Именно благодаря этому согладают на готовящийся спектакль привносятся доля смысла: критик растолковывает актерам, что у героев "Сокровищницы.." и "Ёамлета" много общего в характерах. Поскольку нечего равное и понятное, те начинают работать с куда большим воодушевлением. И что интересно, почти у каждого возникает ситуация, когда приходится для себя решать, "быть или не быть" – дружбе, роли, долгу и чести. Переходить ли к

другому импресарио или остаться, предать ради звания премьеры или довольствоваться мелочовкой в репертуаре – все это вопросы сродни шекспировским. И актер Синдзо в итоге найдет-таки верную интонацию для знаменитого монолога. Однако чудесные замыслы растают как дым, а увлекательно и мучительно рождающийся спектакль не увидит света рампы: задыхающийся от долгов театр "Синтоми" перекупит самодовольный импресарио Хоритани (Кикичи Акитомо), которому совсем не нужны ни "новая драма", ни "новые формы" – ему подавай старую добрую "Сокровищницу.." ведь на ней можно заработать. А Морита Канья тихо уйдет в небытие вслед за своим несостоявшимся шедевром, ибо тоска и отчаяние станут для него сильнее воли к жизни.

В спектакле многое строится на сочетании "традиционного", японского и "продвинутого", западного. Элементы театра кабуки в актерской игре и оформлении сочетаются с современными костюмами и вневременными театральными нравами. В сущности, "Канадэзон Ёамлет" – это "Театральный роман" по-японски. Красиво укутанный в цветущие ветки сакуры и мягкий свет фонариков, он смешной и трогательный до слез, несмотря на некоторые малопонятные обычному зрителю детали. Что логично, поскольку мир театрального закулисья, те страсти, чувства, мысли и истории, что прячутся за закрытым занавесом, всегда будут вызывать жгучий интерес в любой стране и у любой публики.

Алиса НИКОЛЬСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Кудыбину - 2004 г. 26 февр. - 3 марта - с. 9